

«ПОТЕРЯННОЕ» ПОКОЛЕНИЕ?

Недавно на одном из представительных совещаний, посвященных проблемам драматургии, прозвучала фраза: «Мы уже потеряли несколько поколений драматургов, режиссеров и критиков». Имелись в виду, естественно, годы застоя. Поскольку по возрасту я, согласно такому выводу, принадлежу если не к последней — самой молодой «потерянной» генерации театральных критиков, но все равно к предыдущей, то стало немного не по себе. Как же быть, если ты опоздал родиться и не успел примкнуть к славным «шестидесятиникам», вновь развертывающим ныне свои непотусканные знамена, и поторопился появиться на свет, не дождавшись благословенного времени, когда можно наконец многие вещи называть своими именами? Что же делать нам, детям антракта в общественной и художественной жизни? Критикам, чья юность пришлось на время публичного восхваления спектаклей «Целина» в Малом театре и «Правда памяти» в Вахтанговском и столь же публичного поношения новых пьес Розова и Арбузова, а потом Петрушевской и Казанцева в журнале «Огонек»?

Нина
АГИШЕВА

Но вот ведь удивительные вещи: прессу мы, конечно, читали и даже писали по ее материалам курсовые. А кумирами нашими, подлинными учителями были отнюдь не Абалкин, Зубков или Толченова, печатавшиеся тогда часто, а Туровская, Соловьева, Шитова, немногие другие

критики, чьи статьи появлялись очень редко или не появлялись вовсе. Мы доставали их книги, жадно прислушивались к каждому устному слову — и, увы, одновременно теряли доверие к слову печатному как таковому, сердито объяснявшему нам, что спектакли БДТ или Театра на Таганке, которые мы так любили, — это плохо, а пьесы Софронова — это «крепко связано с жизнью народа»... Теряли доверие и шли работать туда же, в те же самые газеты и журналы (куда еще деваться выпускникам журфака?), глубоко запрятав в душе свою любовь к одним и ненависть к другим, поклявшись себе ради выбранных раз и навсегда идеалов молчать, если нельзя говорить, не покрывив при этом душу. Мы теряли возможность писать статьи, книги — те, которые хотелось бы! — но старались не потерять все-таки самих себя... Тем более что мы не чувствовали себя одиночками, рядом в наше же застойное время были люди, которые никогда не врали, — те, кто не просто уже состоялся, но двигал вперед искусство: в литературе — Трифонов, Евтушенко, Окуджава, в театре — Анаголий Васильев и Александр Вампилов...

Не врали, жили достойно многие и многие люди повсюду. Помню одну из своих первых служебных командировок. Осень, русский провинциальный город, золото листьев и куполов церквей... Нечерноземье (еще до постановления о нем!) — поэтому в магазинах нет не то что мяса, но даже мыла. А в театре идет «Электра».

Блистательный спектакль, ошеломляющий тонкостью прочтения и глубиной вкуса. Поразительная актриса. И полупустой зал... Я назову их имена — режиссер Юрий Копылов и артистка Елена Успенская. Тогда, в конце семидесятых, они были совсем молодые, как и их товарищи по сцене, упрямо утверждающие посреди набирающего силу мещанства и чиновной косности веру в неистребимую, вечную, святую духовность человека. Они не потерялись даже в те годы: в провинциальном небольшом городе их заметили, о них появились статьи. «Расформированное поколение, мы в одиночку к истине идем...» — вот это, пожалуй, про нас тогдашних.

Сегодня нам, может быть, приходится труднее всех. Нет навыка участия в процессах общественного подъема, активного гражданского бытия (как у тех же «шестидесятников!»), нет умения бороться сообща, а не поодиночке, нет способности быстро устанавливать контакт друг с другом. Сказываются годы недоверия, лицемерия и лжи. Они крепко проехали и по искусству, и по душам тех, кто к нему причастен. Но души-то живы! И жив огонь веры в идеалы служения на благо общества, всегда бывшей единственной привилегией российской интеллигенции, которую не случайно Булгаков назвал в письме к Сталину «лучшим слоем в нашей стране». Нет, имея за плечами **такую** историю, **такие** примеры, «потеряться» невозможно. Все зависит лишь от того, что ты вынес из прожитых лет.